

Эпоха реформ в России и Японии (середина XIX века – начало XX века)

А. Н. Панов

В середине XIX века в России и Японии началось проведение комплекса реформ, направленных на серьезную модернизацию социально-политического и экономического устройства. Российские «великие реформы» и японские преобразования Мэйдзи объединяла общая цель – на их основе ликвидировать отставание от стран Запада с тем, чтобы обеспечить собственную безопасность и возможность активно участвовать в процессах по переустройству мирового порядка в эпоху капитализма.

И в России, и в Японии многие реформы имели сходный или совпадающий характер. На содержание реформ значительное влияние оказал европейский опыт государственного и общественного управления. Вместе с тем, японское общество в большей степени, чем русское было готово к восприятию реформ по западному образцу.

Процесс модернизации вызвал в обеих странах противодействие, причем в России более жесткое, чем в Японии, в обеих странах остро стоял вопрос о сохранении национальной идентичности в процессе приспособления к новым реалиям политического, экономического и социального развития.

За три десятилетия эпохи Мэйдзи в Японии был создан конституционный строй, проведена индустриализация, внедрены капиталистические отношения, реформирована социальная структура.

Хотя в России реформы носили менее радикальный характер, российское общество также претерпело серьезные изменения, Россия вышла на траекторию поступательного развития по капиталистическому пути. В России противодействие реформам со стороны помещиков, дворянства, знати привело к тому, что конституция не была принята, самодержавная власть не была ограничена, реформы носили половинчатый характер и все это создало предпосылки для революционного взрыва в 1905 г.

Ключевые слова: модернизация, земельная реформа, развитие промышленного производства, учреждение банков, военная реформа, судебная реформа, реформа системы образования, конституционная реформа, создание политических партий, конрреформы, национальная идентичность.

Вторая половина XIX века занимает особое место в историческом развитии России и Японии. В этот период в обеих странах были осуществлены важнейшие реформы, определившие их политический, экономический и социальный облик на многие десятилетия.

Российские «великие реформы» и японские преобразования эпохи Реставрации Мэйдзи объединяет общая цель – провести серьезную модернизацию социально-политического и экономического устройства в интересах ликвидации отставания от стран Запада, прежде всего европей-

ских, с тем, чтобы обеспечить собственную безопасность и возможность активного участия в процессах по переустройству мирового порядка в эпоху капитализма.

И для России, и для Японии проведение реформ было вынужденной мерой, предпринятой под давлением прежде всего внешних обстоятельств. Россия потерпела поражение в Крымской войне (1853–1856 гг.) и пошла на заключение мира на крайне невыгодных для себя условиях.

Япония сначала под дулами пушек американских военных кораблей «открыла» страну на навязанных ей условиях (1854 г.), а затем испытала унижение, когда попытки ограничить иностранное проникновение на японские острова привели к разрушению городов Кагосима и Симоносэки корабельной артиллерией США, Англии и Франции (1863–1864 гг.).

Военное поражение России и «унизительное открытие» Японии были следствием их экономическо-социальной отсталости от быстро развивающихся по капиталистическому пути стран Запада. Вместе с тем, и объективный ход внутреннего развития, или, вернее, его отсутствие, создавал предпосылки для осуществления модернизации.

Выдающийся российский японовед, академик Н. И. Конрад следующими словами охарактеризовал «готовность» Японии к преобразованиям: «Буржуазная революция в Японии не была случайностью, ни историческим парадоксом. Страна подошла к ней вполне подготовленной: она имела развитую экономику, национальный рынок в отношении многих видов товаров, хорошие пути сообщения, развитую банковскую систему; в ней была многочисленная высокообразованная и весьма активная интеллигенция; в ней действовали различные течения общественной мысли, образовавшие идеологическую почву для революционных преобразований»¹.

В 30–40-х годах XIX века в Японии предпринимались попытки осуществления ограниченных реформ в экономической сфере, но они оканчивались, как правило, неудачей – дефицитом товаров, ростом цен и в конечном итоге – ростом недовольства горожан и крестьян своим экономическим и социальным положением. В ликвидации сёгуната Токугава, восстановлении власти императора и в осуществлении последующих реформ участвовали многие политические силы, преследовавшие различные цели. Причем, в зависимости от менявшихся внутренних и внешних обстоятельств, их позиции нередко претерпевали кардинальные изменения.

Проникновение западных стран в Азию серьезно беспокоило правящие круги Японии, которые все более убеждались в необходимости продолжать держать территорию страны закрытой для иностранцев. Сёгунат принял меры к усилению изоляции Японии от внешнего мира.

¹ Конрад Н. И. Избранные труды. История. М.: Наука, 1974. С. 195.

Эта позиция находила поддержку у японских интеллектуалов, среди которых в начале XIX века выделялся Аидзава Сэйсисай, один из лидеров научной школы Мито, получившей наименование по названию княжества, в котором располагалась.

С тем, чтобы противостоять губительному внешнему воздействию, японцы, по его мнению, должны были вернуться к своим корням – к «национальной сущности» («кокутай»), при которой правители, имеющие небесное происхождение, осуществляли справедливое управление. Такой синтез единения государства и религии, как он утверждал, способен превзойти западную модель развития и обеспечить успешное противостояние европейской угрозе.

Из этой философии впоследствии родился лозунг «сонно дзэи» («почитание императора, изгнание варваров»), активным проповедником которого выступил самурай из княжества Тёсю Ёсида Сёин (1830–1859). В середине 50-х годов XIX века он проявил себя активным противником заключения договоров с иностранными государствами и сторонником концепции «кокутай». Его учениками и последователями были Ито Хиробуми и Ямагата Аритомо, ставшие одними из главных политических фигур эпохи Мэйдзи.

После подписания в 1854 году договоров с США и Россией, но прежде всего с США, т. к. в Симоду прибыл американский генеральный консул Таунсенд Гаррис, настаивавший на подписании нового двустороннего договора о торговле, в Японии, особенно среди многих даймё, прежде всего юго-западных регионов, не говоря уже о киотоских аристократах, стало распространяться мнение, что сёгунат не в состоянии противостоять иностранной угрозе. Не в последнюю очередь под влиянием подобных настроений в 1858 году император Комэй отказался одобрить готовность сёгуната подписать договор с США. После этого началось растущее вмешательство императорского двора во внешнюю политику сёгуната. Император Комэй проявил себя как последовательный сторонник закрытия страны для пребывания на ее территории иностранцев.

Однако сёгунат, сознавая отсутствие у отсталой в военном отношении Японии возможности противостоять «западным варварам», подписал сначала торговый договор с США, а потом аналогичные договоры и с Россией, Англией, Францией и Голландией. На этом фоне император Комэй продолжал активно выступать за «объединение аристократов и военных («кобугаттай») с целью возрождения «превосходной системы закрытой страны».

Таким образом, противостояние императорского двора и сёгуната начало набирать динамику, а лозунг «почитание императора и изгнание варваров» (*сонно дзэи*) начал с 1859 года реализовываться на практике – убийства иностранцев, среди которых оказались два русских матроса, а также тех сторонников сёгуната, которые не проявляли к императору должного почтения или «пресмыкались» перед иностранцами. В течение

двух лет, с осени 1862 г. по осень 1864 года, было осуществлено более 70 убийств.

Между тем из Китая приходили все более пугающие известия: о взятии англо-французскими войсками Пекина и заключении неравноправных договоров, серьезно ущемлявших китайский суверенитет. Следующей жертвой «западных варваров», как полагали и в Киото, и в Эдо, могла стать Япония.

В 1866 году княжества Сацума и Тёсю заключают союз, цель которого не изгнание варваров, а свержение уже практически утратившего способность управлять страной сёгуната и восстановление власти императора. Регулярные контакты руководителей княжеств с европейцами убеждали их в важности заимствования у них идей и технологий, особенно в военной сфере. В последующем именно выходцы из юго-западных княжеств составят ядро новой правящей элиты страны.

За «открытие» страны уже в начале XIX века выступали не только ученые школы «европейской науки», изучавшие достижения, прежде всего научно-технические, западной цивилизации, например Ватанабэ Кадзан (1793–1841), призывавший заимствовать не только технику, но и западные идеи построения общества, но и учение конфуцианского направления – Сакума Сёдзан (1811–1864 гг.) и Ёкои Сёнан (1809–1869 гг.). Сакума Сёдзан в ряде своих эссе, написанных в 50-е годы XIX века, поддерживал лозунг «восточная эпоха, западная культура». В его представлении, чтобы успешно противостоять агрессивным европейцам и американцам, Японии следовало воспринять достижения западной науки и техники в сочетании с восточной, конфуцианской моделью.

Ученые-просветители переводили и знакомили японскую общественность с трудами крупнейших европейских мыслителей, в которых обосновывались идеи свободы, равенства, человеческих прав. Деятельность этих ученых в последние годы Токугавского сёгуната способствовала ознакомлению японцев не только с научно-техническими новинками, но и с достижениями в области искусства, образования, общественных наук.

Хотя лозунг «сонно дзёи» в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века все более объединял правящую элиту, среди тех молодых японцев, которые начали посещать США и европейские страны, а в их число входили Фукудзава Юкити (1835–1901), Ито Хиробуми (1841–1909), Иноуэ Каору (1835–1915), Мори Акинори (1847–1889), укреплялась убежденность в нереалистичности идеи незамедлительного изгнания из Японии иностранцев и мнение в необходимости реформирования японских порядков. Именно эти представители японской элиты после реставрации имперской власти сыграют существенную роль в создании «новой Японии».

Сторонники «открытия страны внешнему миру» («кайкоку»), использования опыта, науки и техники западных стран для превращения Японии в мощное государство первоначально находились в меньшинстве

и даже нередко становились жертвами покушений со стороны «ортодоксальных самураев». Им предстояло создать идеологическое обоснование необходимости преобразований японского общества по европейскому образцу, совместить господствующую традиционную философию жизни, основанную во многом на конфуцианстве, с «западными ценностями».

Среди сторонников таких преобразований были и даймё крупных княжеств и обедневшие самураи, но наибольший вклад в движение «цивилизация и просвещение» («буммэй кайка») внесли независимые мыслители-просветители, ученые школы «европейской науки», которые в своей общественной деятельности, через публикации своих трудов пропагандировали идеи либерализма, конституционализма, универсального характера мирового развития. Сторонники отказа от политики самоизоляции страны были и среди крупных влиятельных даймё, особенно на юге страны, которые исходили из того, что открытие страны позволит с помощью торговли получить средства на закупки вооружений, повысить военный потенциал страны и предотвратить иностранное вторжение.

Выдающуюся роль в обосновании и распространении в Японии необходимости «разрыва со слепой приверженностью обычаям прошлого» и постепенному восприятию ценностей западной цивилизации сыграл Фукудзава Юкити, выходец из семьи бедного самурая. В октябре 1866 года была опубликована его книга «Жизнь в странах Запада («Сэйё дзидзё»)» о впечатлениях автора от поездок в США и Европу в 1860–1862 годах. Тираж книги стал рекордным – более 200 тысяч экземпляров. Главный вывод автора состоял в том, что для Японии, если она хочет оставаться независимой, необходимо осваивать европейскую науку и технику, манеры поведения, вплоть до того, как одеваться по-европейски.

В своей работе «Краткий очерк цивилизации» («Буммэйрон-но гайряку»), опубликованной в 1876 году, он дал свою интерпретацию понятия «кокутай». «Кокутай», – писал он, – это когда люди одной национальности объединяются..., подчиняются правительству своей страны и не хотят подчиняться правительствам других стран; сами несут ответственность за свое процветание и упадок, сами сохраняют независимость. На европейских языках это называется народ». Таким образом, Фукудзава фактически обошел вопрос о непрерывности, дарованности «свыше» императорского правления и единения на этой основе японского народа, а сделал акцент на ответственности каждого японца, обладающего естественными правами человека, за судьбу нации. При этом он подчеркивал, что прогресс цивилизации не наносит ущерба «кокутай» и следует для его сохранения как раз решительно избавляться от пережитков прошлого во всех сферах жизни.

В то же время Фукудзава был противником механического копирования идей Запада и призывал использовать все полезное как в европейской, так и в японской культуре с тем, чтобы обеспечить независимость

страны. По его мнению, интеллектуально Азия, конкретно Китай, не в состоянии воспринять политический, индустриальный и социальный прогресс Запада, а Япония это может сделать. При этом он полагал, что без воспитания «новых людей» решить эти реформаторские задачи будет крайне затруднительно, поэтому, выступая за введение массового образования, основал университет Кэйо, газету «Дзидзи симпо», опубликовал более сотни книг.

Фукудзава Юкити способствовал становлению практики публичных дебатов, прежде всего по проблематике западной культуры и образа жизни. Он выступал за принятие конституции и введение парламентского правительства. Кризис закостенелой системы управления страной, неспособной адаптироваться к новому этапу экономического развития страны, связанного с началом процесса protoиндустриализации, коммерциализации сельского хозяйства, «прибытие иностранцев» продемонстрировало управленческую слабость сёгуната, его идеологическую несостоятельность. Уступки сёгуната требованиям западных стран вызвали возмущение в широких кругах политической элиты, способствовали проявлению «инакомыслия», росту национализма, а также волнения среди горожан, пострадавших от последствий открытия страны внешней торговле. Все это привело к осознанию необходимости осуществления кардинальных перемен в управлении страной.

Россия к середине XIX века серьезно отставала в экономическом и социальном развитии от европейских стран. Промышленное производство было малозначительным. Более того, его развитие ограничивалось политикой царя Николая I и его окружения, опасавшихся, что появление значительного числа наемных рабочих может привести к их выступлениям с требованием больших прав и свобод. Насчитывалось 11 тысяч мануфактур, главным образом мелких, с количеством рабочих около 500 тысяч человек, занимавшихся в основном производством текстиля и изделий из металлов.

Сельское хозяйство переживало серьезный кризис. Прикрепление крепостных крестьян к сельским районам сдерживало развитие городов. В 1851 году городское население насчитывало 3,5 млн. человек, т. е. 17,8% всего населения – 74 млн. человек. Внутренний рынок развивался медленно, в том числе по причине отсутствия дорог. Протяженность железных дорог составляла около 1 тыс. км – в 5 раз меньше, чем во Франции и в 6 раз меньше, чем в Германии. Доля России в мировой торговле составляла всего лишь 3,7% и не росла. На экспорт поставлялись: зерно, пенька, лен, медь, железо, меха, древесина. Импортировались: хлопок, шерстяная ткань, сахар, краски, вино, чай, соль.

Сохранялся низкий уровень образованности населения. В четырех университетах – Московском, Санкт-Петербургском, Казанском, Харьковском в 1854 г. обучалось лишь 3600 студентов. В школах, которые все находились в городах, насчитывалось 14000 учащихся. Грамотных

крестьян практически не было. Образование народа считалось опасным и вредным с точки зрения поддержания социальной и политической стабильности. Кроме того, подозрение вызывало влияние западных идей и знаний, проникавших в Россию посредством образованной интеллигенции. За исключением М. В. Ломоносова, великого русского ученого, Россия не могла похвастаться наличием ученых европейского уровня.

Согласно характеристике крупнейшего русского философа Н. А. Бердяева (1874–1948 гг.), «Россия к XIX веку сложилась в огромное мужицкое царство, скованное крепостным правом с самодержавным царем во главе, власть которого опиралась не только на военную силу, но также и на религиозное верование народа, с сильной бюрократией, отделившей стеной царя от народа, в средней массе своей очень непросвещенного и самодурного, с небольшим культурным слоем, который легко мог быть раздроблен и раздавлен»².

Отставание России в экономическом, научном и культурном развитии от запада не было секретом для японской политической элиты. Направленная в 1872 году в Европу и США миссия из высокопоставленных японских чиновников во главе с Ивакура Томоми для знакомства с государственным устройством, военной политикой, организацией армии, системой управления экономикой, посетив Петербург, сделала негативный вывод о состоянии российской науки и образования. Вместе с тем, известно, что сам Ивакура Томоми был большим поклонником Петра I.

Аналогичных взглядов придерживался и Мори Акинори (1847–1889 гг.), который в середине 60-х годов XIX века был послан княжеством Сацума на обучение в Англию, а впоследствии посетил и Петербург, где проходили обучение шесть молодых людей с Эдзо (Хоккайдо). Сопоставляя уровень развития Англии и России, Мори Акинори, занимавший пост министра просвещения, сделал заключение о превосходстве европейской модели общественного устройства над российской.

В Японии начало реформ связано с вступлением на царский трон Александра II (1855 г.), а в Японии – с правлением императора Муцухито, которое началось устранением сёгуната и возвращением всей полноты власти императору (1868 г.). При том, что многие российские и японские реформы имели сходный характер, концептуально они серьезно отличались.

Главной, центральной реформой в России стала отмена крепостного права. Все последующие реформы явились следствием освобождения крестьян, что стало одним из важнейших событий в истории России. Произошло это в 1861 году, а сама «эра великих реформ» продолжалась всего лишь пять лет, до 1866 года. Правящая элита в России пошла на освобождение крестьян, сознавая, что это является единственным способом избежать крестьянской революции. После поражения в

² Бердяев Н. А. Русская Идея. Санкт-Петербург, 2013. С. 58.

Крымской войне фиксировались многочисленные случаи неповиновения властям и аграрные волнения. Как отмечал С. Ю. Витте, видный государственный и политический деятель России, министр путей сообщения, министр финансов, председатель Совета министров в конце XIX-начале XX века, «Крымская война открыла глаза наиболее зрячим; они осознали, что Россия не может быть сильной при режиме, покоящемся на рабстве»³.

Александр II в 1856 году пришел к выводу, что «лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели ожидать, когда оно начнет само уничтожаться снизу». Однако освобождение крестьян не привело к появлению крупного крестьянского землевладения. Крестьяне ожидали без земли, сохранялось общинное землевладение. Вместе с тем большая часть крупных землевладельцев-помещиков не хотела и не могла организовывать производство по-новому, не имея крепостных крестьян, и начала сдавать землю в аренду крестьянам или продавать купцам или зажиточным горожанам. Как отмечал С. Ю. Витте, «до 1905 года громаднейшая часть населения Российской империи находилась в общинном коллективном владении, исключая возможность сколько бы то ни было интенсивной культуры, подворное владение находилось в неопределенном положении вследствие неотмежеванности и неопределенности права собственности. Крестьянство находилось вне сферы гражданских и других законов»⁴.

Особо негативную роль играло сохранение в деревне общинных отношений. Они были выгодны властям, т. к. позволяли осуществлять жесткий контроль за «коллективом крестьян», связанных тесными узами взаимотношений. Община играла крайне негативную роль, сдерживая развитие товарно-денежных отношений в деревне, сковывала инициативу и предприимчивость крестьян и в конечном итоге оказывала негативное влияние на экономическое развитие страны в целом. При общинном порядке крестьянин, как писал С. Ю. Витте, «знает, что обработанная им земля через некоторое время может быть заменена другой (общинной), что плоды его трудов будут делиться не на основании общинных законов, а по обычаю (а часто обычай есть усмотрение), когда он может быть ответственен за налоги, не внесенные другими (круговая порука), ... когда он не может ни передвигаться, ни оставлять свое жилище без паспорта, выдача коего зависит от усмотрения»⁵.

В результате в сельском хозяйстве наблюдался застой. Урожайность была низкой. В 1896, 1898 и 1901 годах имел место голод, стимулировавший крестьянские волнения.

³ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. С. 528.

⁴ Там же. С. 534.

⁵ Там же. С. 529–530.

В Японии также была проведена земельная реформа. В 1871–1873 гг. феодальная зависимость крестьян была отменена, введена купля-продажа земли. Землей стали владеть помещики (1/3 земли), зажиточные крестьяне, ростовщики, торговцы. Был принят закон о проведении земельного кадастра и осуществлена выдача удостоверений о праве собственности на землю.

Нетрудно заметить общие элементы в изменении землепользования в России и Японии. Особое значение имело наличие и сохранение в обеих странах крестьянских общин.

С давних времен, когда на японских островах началось воздвигание риса, требующее интенсивного и коллективного труда и в Японии возникла деревенская община. В общине, организованной для выращивания риса на основе обеспечения и поддержания необходимого поступления воды на поля, доминировали факторы однородности, уравнительности, сотрудничества. Эти факторы решительным образом способствовали формированию жизненного менталитета японцев.

Если в России у правящей элиты не было более или менее определенного плана преобразований, а главной реформой была отмена крепостного права, которая, как следствие ее проведения, повлекла за собой осуществление ряда других реформ, то в Японии уже в «Высочайшей клятве» от имени императора Муцухито от 6 апреля 1868 года была сформулирована, хотя и в общем виде, но программа, предусматривавшая, наряду с намерением заимствовать «полезные знания во всем мире», также и осуществление политических преобразований.

В России царь Александр II отвергал требование либеральной общественности ограничить самодержавие и создать представительное правительство. О «даровании народу» конституции речь и вовсе не шла. Государственное устройство не претерпело изменений. Хотя в 1851 году был учрежден Совет министров, но он просуществовал лишь до 1883 года. В России Манифест царя о превращении России в конституционную монархию проявится только после революционного взрыва в 1905 году.

В Японии одним из первых изменений стал Указ о государственном устройстве (1868 г.). В 1871 г. были ликвидированы княжества и образованы префектуры, учреждены 8 министерств. В 1875 году издан указ о постепенном введении конституционного строя. Затем в 1881 году последовал указ об учреждении парламента в 1890 году. В 1885 году была проведена реорганизация правительства по европейскому образцу. И, наконец, в 1889 году провозглашена конституция.

Что касается развития крупного промышленного производства по европейскому образцу, то его становление и в России, и в Японии сдерживало отсутствие капиталов и квалифицированных управленцев и инженеров. Эти проблемы решались сходным путем – внешними зай-

мами, учреждением банков и приглашением иностранных специалистов.

В России государственный банк был учрежден в 1860 году, а затем последовало создание первых коммерческих банков. В 1897 году государственный банк получил статус центрального финансового института страны. В Японии в 1872 году был издан закон о национальных банках, согласно которому все частные банки действовали под контролем государства. К 1880 году в стране было 148 банков. В 1882 году учрежден Центральный банк.

В создании крупных промышленных предприятий с разной степенью активности в России и Японии принимало участие государство. В Японии роль правительства была более значимой и многосторонней. С начала 70-х годов правительство приступило к строительству современных промышленных предприятий, находившихся в собственности государства. Было построено три судостроительных завода, пять военных заводов, десять шахт, 52 промышленных предприятия. В 1880 году в соответствии с законом о продаже госпредприятий, они, за исключением предприятий военного профиля, были проданы частным владельцам. Таким способом были заложены основы формирования крупных финансово-промышленных групп («дзайбацу»).

В России государство ввело себя менее энергично в плане не только создания под своим контролем предприятий, но и поощрения к предпринимательской деятельности частных лиц. Тормозилось формирование акционерных обществ, важного инструмента аккумуляции необходимых средств для вложения в организацию производства. Как отмечал С. Ю. Витте, «салонные невежды», аграрии-дворяне препятствовали созданию акционерных обществ, т. к. «просто не понимали», что «современное государство не может быть великим без национальной развитой промышленности»⁶.

Вместе с тем, серьезный толчок к развитию промышленного производства дало принятие в 1870-е годы программы строительства железных дорог. К 1885 году их протяженность составила около 50 тыс. км. В Японии также строительство железных дорог способствовало экономическому развитию страны в целом. К концу 90-х годов в стране было 4,7 тыс. км частных дорог и 1800 км государственных. Но следует принять во внимание несопоставимость российской и японской территорий.

Что касается структуры промышленного производства, то основные отрасли и в России, и в Японии были схожими. Это текстильная, горно-металлургическая, пищевая, машиностроительная.

Россия и Япония уделяли большое внимание созданию мощного военно-морского флота. Программа наращивания ВМФ России, принятая Александром II в 1881 году, предусматривала развитие судостроительной

⁶ Там же. С. 514.

промышленности, строительство судов для Балтийского и Черноморского флотов, для Сибирской флотилии, создание портов. В 1882–1895 годах были проведены масштабные работы по реконструкции всех отечественных судостроительных заводов. В 1881 – 1895 годах было построено 114 боевых кораблей, из них 17 броненосцев, 10 крейсеров, 53 миноносца. В 1898 году Россия вышла на третье место в Европе по числу боевых судов – 107 (у Великобритании было 335 кораблей, у Франции – 204). В 80-е годы началось строительство подводных лодок. Вместе с тем Россия серьезно уступала европейским странам и Японии в строительстве судов гражданского назначения.

Практически в одно время в России и Японии были проведены военные реформы. В России в 1874 году был принят закон о воинской повинности, единый для всех социальных групп. Если до реформы срок обязательной воинской службы составлял 25 лет, то по новому закону он сокращался до 6 лет. Были отменены телесные наказания для солдат, организовано обучение грамоте рядового состава. Реформа оказала позитивное влияние на укрепление морального духа российского солдата, а предпринятые меры по модернизации вооружений серьезно укрепили военный потенциал страны.

В Японии в 1872 году были созданы министерства армии и флота. Согласно закону о всеобщей воинской обязанности служба в армии или флоте определялась в 3 года.

И в России, и в Японии важное значение имело создание судебной системы с использованием европейской модели. Судебная реформа в России началась в 1864 года принятием судебных уставов в соответствии с аналогами европейской юриспруденции. Декларировалось «равенство всех перед законом», вводился суд присяжных, предоставлялась возможность обжаловать приговор. Для рассмотрения незначительных гражданских и уголовных дел вводился мировой суд. Началось формирование адвокатского корпуса.

В Японии в 1871 году, наряду с созданием министерства юстиции, были сформированы городские и префектуральные суды. В 1880–1889 годах были приняты уголовно-процессуальные кодексы, по которым предусматривалась возможность обжалования приговора. Вместе с тем, суд присяжных не вводился. До 1868 года в Японии судебные функции соединялись с административной властью. В результате реформ судебной системы судебная власть была отделена от административной. Были введены мировые суды, созданы окружные суды и апелляционные. Значительные права получили адвокаты.

Совершенно очевидно, что успех процесса модернизации невозможен без наличия значительного числа грамотных, образованных людей, подготовленных к тому, чтобы осваивать и применять передовые знания.

В Японии обучению грамоте традиционно придавалось важное значение. Не случайно к середине XIX века в стране среди мужчин было 45% грамотных, а среди женщин – 15%.

Капитан российского флота В. М. Головин, пытливо наблюдавший за жизнью и бытом японцев во время нахождения в японском плену в 1811–1813 годах, писал: «... по моему мнению, японцы суть самый просвещенный народ по всей Подсолнечной. В Японии нет человека, который бы не умел читать и писать и не знал законов своего отечества, которые у них весьма редко переменяются... Правда, что у нас более знают наук и художеств, у нас есть люди, которые с неба звезды хватают, а у них нет. Но затем на одного такого звездочета мы имеем тысячу, которые, так сказать, трех перечесть не умеют»⁷.

Несмотря на достаточно высокую для того времени грамотность населения, высокообразованных людей в Японии было крайне незначительно. Требовалось принять меры для подготовки кадров, способных заменить западных специалистов, приглашенных в Японию помогать осваивать азы капиталистической экономики. И они последовали.

Министр просвещения граф Окума в конце XIX века подчеркивал: «Первое, в чем мы особенно нуждаемся, это образование. Только путем образования может наш народ приобрести правильные понятия о своих правах и обязанностях при конституционном правлении»⁸.

В 1872 году был принят закон об образовании, по которому декларировалась широкая возможность получения образования. К XX веку в стране действовал 21 университет, было 222 средние школы и 27 тысяч начальных. Начальное образование получало 90% мальчиков и 80% девочек. С 1900 г. начальное образование стало бесплатным. В 1897 году процент грамотных из числа призванных в армию на основе всеобщей воинской повинности составлял в Японии 70%, а в России только 22%.

В России также принимались меры к налаживанию образовательного процесса. В 1864–1870 годах были приняты законы, по которым учреждались мужские и женские гимназии с 7-летним обучением, их выпускники могли поступить в университеты, а также реальные училища с 6-летним обучением для подготовки к поступлению в высшие технические учебные заведения. Были созданы средние школы для детей из всех социальных групп, однако обучение в них было платным. В университеты стали принимать женщин. Увеличилось число церковно-приходских школ для малоимущих. В результате положение с грамотностью и подготовкой молодых людей с высшим образованием увеличилось. В 1881 году в восьми университетах обучалось более 10 тысяч студентов, в

⁷ Головин В. М. Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. С. 305.

⁸ Watson P. Japan Aspects and Destinies. London, 1904. P. 243.

гимназиях 117 тысяч, в реальных училищах 17,5 тысяч, в средних начальных школах 1 млн. 300 тысяч. Но, безусловно, для страны с населением почти 100 млн. человек количество грамотных и образованных было явно недостаточно.

В отличие от российского студенчества, активно участвовавшего в левом оппозиционном движении, японские студенты в этом отношении вели себя достаточно пассивно.

И в России, и в Японии появляется слой людей, интересующихся литературой, читающих периодические издания (в 1864 г. выпускалось 66 газет и 156 журналов), которые, несмотря на цензуру и административный контроль, нередко публиковали материалы критического характера по адресу властей.

Примечательно, что и Россия, и Япония прошли через длительный период изоляции от внешнего мира.

В результате татаро-монгольского нашествия Россия в XII–XV веках была фактически лишена возможности самостоятельного развития и отрезана от общения с европейскими государствами. Как подчеркивает Н. А. Бердяев, «татарское иго имело роковое влияние на русскую историю и отбросило русский народ назад». Даже после избавления от татаро-монгольского ига Россия в московский период своей истории характеризовалась господством, по определению Н. В. Бердяева, тоталитарного режима, «наиболее азиатско-татарским по своему типу». Таким образом, можно говорить о том, что московские цари и их окружение практиковали воспринятый от Золотой орды «восточно-деспотичный метод правления» и не стремились к налаживанию широких отношений с Европой, что оказывало серьезное негативное, сдерживающее воздействие на экономическое и социальное развитие страны, консервировало ее отсталость.

Радикальные реформы Петра I в начале XVIII века, можно сказать, «спасли» Россию, т. к. без них русское государство «не могло бы себя защитить и не могло развиваться»⁹. В петровский период Россия ускоренно и спешно перенимала западные знания и технологии, приступила к воспитанию просвещенных в западных традициях нового поколения людей. Вместе с тем Петр I был противником перенесения на российскую почву либеральных элементов западного политического устройства, прежде всего представительных органов власти, не ставя под сомнение необходимость для России следовать путем неограниченной власти царя-самодержца.

Япония в период Реставрации Мэйдзи также встала на путь широкого заимствования западных знаний и технологий. Однако пошла и на

⁹ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 31–33.

внедрение определенных институтов государственного политического управления по западному образцу.

Именно в этом, как представляется, заключается принципиальное отличие петровской модернизации и преобразований Александра II от мэйдзийских реформ. Более значимый успех последних от российских был в немалой степени связан с тем, что они предусматривали фундаментальную перестройку государственно-политической системы, что весьма способствовало достижению поставленных целей ускорения модернизации страны.

Также как и в России, в Японии в середине XIX века появились, а затем и обострились противоречия между двумя философско-практическими подходами к содержанию, радикализму и в целом к целесообразности осуществления реформ.

В первой половине XIX века, особенно после подавления восстания декабристов, в среде российской интеллигенции начинаются размышления о месте России в системе европейской цивилизации. Наиболее остро на этот вопрос ответил Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856 гг.) в своих «Философских письмах» (написаны в 1829–1831 годах), которые фактически положили начало проходившей в течение всего XIX века и не завершившейся и к настоящему времени принципиальной дискуссии о роли русского народа в мировой истории, его месте среди европейских государств.

П. Я. Чаадаев исходил из того, что Западная Европа, представляя собой единство культуры, религии и нравственности, является «единственно правильной формой цивилизации», а все остальные народы развиваются в тупиковом направлении. Россия же, как он считал, приняв христианство от Византии, оказалась в промежуточном положении, не сформировавшись ни как европейская, ни как азиатская цивилизация.

Остро критические, хлесткие оценки П. Я. Чаадаевым исторического развития России, российских традиций и порядков, вызвали резко негативную реакцию самодержавия, он был объявлен сумасшедшим, а его философские письма запрещены. Многие представители либерально настроенных кругов интеллигенции, среди них был и А. С. Пушкин, не разделили позиции П. Я. Чаадаева.

В целом дискуссия вокруг его оценок российского пути развития положила начало расколу отечественной мысли России на два течения – западников и славянофилов. Термин «славянофилы» ввел министр просвещения А. С. Шишков (1824–1828 гг.).

Если П. Я. Чаадаева принято считать основоположником идеологии западничества, то славянофильское течение сформировалось к середине 40-х годов XIX века во многом благодаря деятельности А. С. Хомякова, религиозного философа, писателя, публициста, и братьев Ивана и Константина Аксаковых, широко известных публицистов и литераторов.

Славянофилы считали, что единого пути развития населяющих землю народов не существует. Соответственно, нет и единой общечеловеческой цивилизации. Каждый народ самостоятельно определяет свой жизненный путь на основе «народного духа», в соответствии с которым формирует все сферы своего бытия. Для России, по их мнению, «народный дух» определяет православная вера, а систему жизненных устоев – сельская община. Делая акцент на самобытности пути развития России, славянофилы исходили из того, что если западный мир строит свою жизнь на основе принципов юридической справедливости, то основу жизни в России составляют морально-религиозные принципы. Отсюда делался вывод о том, что для России неприемлемы ни западные моральные принципы, ни западная форма организации государственного управления.

Соответственно, по их мнению, идеальной формой правления для России является патриархальная монархия, опирающаяся на добровольную поддержку народа и на наличие при монархе совещательного органа – земского собора по примеру московских царей. Потому они критически оценивали реформы Петра I по созданию монархии на бюрократических основах по западноевропейскому образцу, что увело Россию в сторону от ее традиционного пути. Вместе с тем, славянофилы не отрицали позитивного влияния ряда достижений западной цивилизации, которые были заимствованы в период правления Петра I. Как писал К. С. Аксаков: «Петр, скажут, возвеличил Россию. Точно, он много придал ей внешнего величия, но внутреннюю ее целостность он поразил растлением»¹⁰.

Объясняя отличие славянофилов от западников, видный публицист и общественный деятель А. М. Кошелев (1806–1883) писал, что если западники «ожидали света только с Запада, превозносили все там существующее, стремились подражать всему там установившемуся и заявляли, что у нас есть свой ум, свои местные, временные, духовные и физические особенности и потребности, то мы (славянофилы) вовсе не отвергали великих открытий и усовершенствований, сделанных на Западе, считали необходимым узнавать все там выработанное, пользоваться от него весьма многим; но мы находили необходимым все пропускать через критику нашего собственного разума и развивать себя с помощью, а не посредством позаимствований от народов, опередивших нас на пути образования»¹¹.

Западники противопоставляли славянофилам концепцию единства человеческой цивилизации, полагали, что Западная Европа является лидером всемирно-исторического процесса, поскольку успешно реализует принципы гуманности, свободы и прогресса. Поэтому задача России –

10 Вишняков Я. В. Российская империя в XIX – начале XX века. М., 2012. С. 93.

11 Там же. С. 94.

отсталой страны, которая только при Петре I начала приобщаться к общечеловеческому культурному развитию, как можно быстрее преодолеть свою «азиатчину» и примкнуть к западной цивилизации. Западники выступали за конституционную монархию западноевропейского образца.

Примечательно, что взгляды славянофилов разделял и поддерживал Ф. М. Достоевский, который еще до вступления на царствование Александра III в 1873 году направил цесаревичу послание, в котором нелестно отзывался о представителях «псевдоевропейского развития», которые убеждены в «совершенной преступности» для русских «мечтать о своей самобытности». Писатель призывал русских сохранять самобытность и использовать «русский дух» для того, чтобы «принести новый свет миру» именно при условии самобытности нашего развития»¹².

Следует отметить, что споры о значении петровских реформ для исторического развития России в российских политических, общественных и научных кругах не затихают и в настоящее время.

Как представляется, наиболее сбалансированный и объективный анализ результатов петровских реформ для исторического развития России осуществил видный российский историк В. О. Ключевский. Оценивая в целом результаты реформаторской деятельности Петра I, он делает следующий вывод: «Итак, не преувеличивая и не умаляя дела Петра Великого, можно так выразить его значение. Реформа сама собою вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером, талантами, дружно совместившимися в одной из тех исключительно счастливо сложенных натур, какие по неизведанным ещё причинам от времени до времени появляются в человечестве...

Реформа, совершённая Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, ...а ограничивалась стремлением вооружить Русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоёванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных им сил. Но всё это приходилось делать среди упорной и опасной внешней войны, спешно и принудительно, и при этом бороться с народной апатией и косностью, воспитанной хищным приказным чиновничеством и грубым землевладельческим дворянством, бороться с предрассудками и страхами, внушёнными невежественным духовенством. Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленная к перестройке военных сил и к расширению финансовых средств государства, постепенно преврати-

¹² Там же. С. 94.

лась в упорную внутреннюю борьбу, взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества».

И далее конкретизируя итоги петровских реформ, В. О. Ключевский выделяет создание мощной армии и военно-морского флота, которые «обеспечили прочные позиции России в качестве дипломатической столицы европейского Востока и устранили угрозу безопасности российских границ на всех направлениях»¹³.

Менее значительными, как он считает, были достижения в реформировании российских общественных порядков, культурных традиций. Не удалось создать, по определению В.О.Ключевского, «прочных культурных запасов», несмотря на смену русского кафтана на европейский костюм, усвоение европейских манер поведения, внедрения обучения современным для того времени наукам¹⁴. Вместе с тем, «культурно-бытовые реформы» охватили крайне незначительный круг высших слоев населения. Более того, «пройденная при Петре школа не научила людей правящего класса смотреть ясным взглядом на то дело, в котором они принимали такое деятельное участие, и в понимании его сущности они стояли немного выше остального общества»¹⁵.

И, наконец, В. О. Ключевский указывает на главную причину того, что после смерти Петра I его реформаторские начинания не были не только не продолжены, «но многие преданы забвению или в лучшем случае законсервированы»¹⁶. Петр I, отмечает он, пытался решить проблему внедрения в российское общество европейской культуры, науки и просвещения, не отменяя рабства – крепостничества и не ограничивая деспотизм власти. В этом он был обречен на неудачу. Между тем, по заключению В. О. Ключевского, эту проблему можно было бы решить, «постепенно внедряя в управление страной представительные институты власти, а затем и ограничение самодержавия на основе Конституции, так и не было осуществлено ни при Петре I, ни в дальнейшем, что и послужило одной из основных причин кризиса, поразившего страну в середине XIX века»¹⁷.

Как бы подытоживая спор между западниками и славянофилами, Н. А. Бердяев делал вывод о том, что «в оценке реформы Петра ошибочны были и славянофильская и западническая точки зрения. Славянофилы не поняли неизбежности реформы Петра для самой миссии России в мире, не хотели признать, что лишь в Петровскую эпоху стали возможны в России мысль и слово, и мысль самих славянофилов, стала возможна и великая русская литература. Западники не поняли своеоб-

¹³ Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть IV. М., 1989. С. 202.

¹⁴ Там же. С. 206.

¹⁵ Там же. С. 232.

¹⁶ Там же. С. 232.

¹⁷ Там же. С. 263.

разия России, не хотели признать болезненности реформ Петра, не выдели особенности России»¹⁸.

Западничество и славянофильство объединяло негативное отношение к крепостному праву, требование его отмены, требование введения свободы слова и печати. В глазах придворной элиты и западники, и славянофилы рассматривались как оппозиционеры существующей форме самодержавия и считались неблагонадежными. Вместе с тем к 30-м годам XIX века славянофилы переродились, по определению Н. А. Бердяева, в жестокий тип консерваторов-националистов.

С целью противодействия оппозиционным взглядам была разработана и активно пропагандировалась официальная идеологическая доктрина, автором которой стал министр народного просвещения С. С. Уваров в 1833–1849 годах. Выступая за «исцеление новейшего поколения от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному, иллюзорному»¹⁹, он в качестве государственной идеологии предложил следовать триединой формуле – православие, самодержавие, народность. Православие определялось как русское национальное начало, самодержавие – как главное условие политического существования России, а народность как «народный дух», приверженность народа к «исконно русским началам» – православию и самодержавию.

Важнейшее влияние на формирование содержания и осуществления реформ и в России, и в Японии имели национальная идея, национальная идеология. В обеих странах верховный правитель – царь в России и император в Японии – почитались как лица, непосредственно получившие право на управление страной и народом «свыше». Царь России был признан «помазанником божьим», наместником Бога на земле, т. е. получившим власть непосредственно от Бога, а японский император считался прямым потомком богини Аматэрасу Омиками (Великая Священная Богиня, сияющая на небе).

В Японии, несмотря на уникальное сосуществование двух религий буддизма и синтоизма, в эпоху мэйдзийских реформ синтоизм стал государственной религией и тем самым помогал воспринимать и соглашаться с преобразованиями как с исходящими от «верховного жреца» – императора. В Японии в какой-то степени российским «трем основам» соответствовала концепция *кокутай*, согласно которой император, народ и территория страны представляют собой единое целое, являющееся творением богов.

Если обратиться к историческому процессу обеих стран, то нетрудно выделить те периоды, когда государственное управление, социальное и религиозное устройство общества претерпевало фундаментальные из-

¹⁸ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 70.

¹⁹ Вишняков Я. В. Указ. соч. С. 97.

менения в результате восприятия и усваивания важных форм иностранного пути развития.

Первоначальные религиозные верования россиян и японцев были схожими. Древняя Русь была языческой, и ее жители верили в могущественную силу природных явлений. Верования в существование различных богов базировались на представлениях о том, что у всего вокруг есть своя душа. То есть природа, ее явления, животные и птицы, человек и местность, на которой он проживает, – все это имеет душу. Отсюда появились поверия в существование конкретных богов.

Во главе славянских божеств стоял великий Сварог – Бог Вселенной. Бог Солнца, сын Сварога Дажьбог, весьма почитался славянами. Стрибог, по понятиям славян, повелевал ветрами, а Перун – молниями и громом. Славянский мир был населен огромным количеством сверхъестественных существ. Славяне стремились защититься от действия злых сил различного рода оберегами. Однако впоследствии россияне в X веке принимают христианство в византийской интерпретации, т. е. в форме Православия.

Несмотря на то, что христианство восторжествовало на Руси, многие языческие традиции и праздники совместились с христианскими. Таким образом, двоеверие, когда в обществе учитываются и новая религия, и старые языческие поверья и обычаи, по существу сохранились и до наших дней. Христианство способствовало на Руси развитию грамотности, книжного дела, культуры, земледелия, строительства.

Согласно синтоистской религии, жизнь на Земле также зависела от «природных богов» – Аматэрасу, Сусаноо. Но японцы в VI-VII веках знакомятся с буддизмом и сравнительно легко становятся его адептами. Вместе с христианством на Руси и буддизмом в Японии приходили новые знания, в том числе в плане организации общественной жизни. Так, проникновение буддизма в Японию совпало с переселением на японские острова большого количества «материковых буддистов» – китайцев и корейцев, владевших передовыми для того времени ремеслами. Япония многое почерпнула из своего общения с Китаем – агротехнику, градостроительство, иероглифы, государственное устройство. Реформы Тайка определяли государственное устройство по китайской модели.

Не следует исходить из того, что пришедшие к власти в Японии в середине XIX века политические круги были объединены общими или совпадающими идеями реформаторства. Среди придворной аристократии было немало тех, кто изначально не принимал западные либеральные концепции построения государственных и общественных институтов. Они видели задачу в том, чтобы, используя научные и технические достижения Запада и допуская при этом ограниченное восприятие европейских обычаев и порядков, ускорить экономическое развитие страны, модернизировать армию и флот, нарастить таким образом военный по-

тенциал и на этой основе добиться пересмотра навязанных неравноправных договоров и войти в «клуб великих держав».

Либеральные круги, близкие по духу российским западникам, ядро которых составляли низкоранговые самураи, представители нарождавшейся буржуазии, а также ученые-интеллектуалы, разделяли буржуазно-демократические идеи Запада и стремились на их основе реформировать японское общество.

Новой власти первые годы после переворота пришлось потратить немало усилий на подавление приверженцев сёгуната, а также выступлений оказавшихся «не у дел» самураев (восстание на о. Кюсю в 1877 г. под руководством Сайго Такамори).

Тем не менее, процесс реформ шел довольно быстрыми темпами. При этом сторонники модернизации действовали во многом как единая команда. В 1873 году было создано просветительское Общество шестого года Мэйдзи (Мэйрокуся) в составе десяти наиболее видных политических и общественных деятелей Японии, семеро из которых прошли обучение в различных странах Европы и в США. Почти все они занимали важные посты в правительстве, что позволяло им не только пропагандировать необходимость внедрения европейских знаний и культуры, но и реализовывать их на практике в интересах создания «богатой страны и сильной армии» (*фукоку кёхэй*). Среди членов общества были Мори Акинори (1847–1889), Фукудзава Юкити (1834–1901), Кисимура Сигэки (1828–1894), Ниси Аманэ (1826–1894), Кето Хироюки (1836–1916). В 1874 года общество начало издавать журнал «Мэйроку дзасси».

Находившиеся на государственной службе либеральные историки и среди них Токутоми Сюхо и Такэгоси Ёсабуро, характеризовали восстановление единоличной власти императора и последовавшие реформы термином *какумэй* («революция»). Убежденным западником был Мори Аринори, видный политик первых лет эпохи Мэйдзи, который на посту министра просвещения внес большой вклад в становление новой системы образования. Он выдвигал даже идею «отменить варварский японский язык и сделать официальным французский»²⁰. Видный политический деятель эпохи Мэйдзи Иноуэ Каору призывал отказаться от потребления риса в пользу хлеба и от кимоно ради европейского платья.

Оценка роли императора Мэйдзи в осуществлении реформ и в настоящее время продолжает оставаться неоднозначной. Отсутствует четкое представление о том, насколько конкретным и действенным было его участие в разработке и принятии наиболее важных реформаторских решений.

Формально все преобразования проводились от имени императора. Именно это обстоятельство в решающей степени способствовало «согласию» японского народа со «спускавшимися с неба» преобразованиями их

²⁰ Сакаия Т. Что такое Япония? М., 1992. С. 145.

жизни. Вместе с тем, в силу отсутствия должной подготовки и опыта молодой правитель вряд ли мог сформулировать «Клятвенное обещание», а впоследствии действовать столь последовательно в реформировании всех сторон государственного и общественного устройства страны. Очевидно, что ведущую роль играло его окружение, в которое входили высоко интеллектуальные, мотивированные и решительно настроенные реформаторы. Определенное влияние на формирование взглядов императора Мэйдзи сыграл его наставник с 1871 года ученый-конфуцианец Мотода Накадзанэ (1818–1891 гг.). В беседах с императором он подчеркивал важность учиться у Запада естественным наукам, но в области морали японцы должны придерживаться конфуцианских взглядов.

В этом он был последователем учения Сакума Сёдзан, проповедовавшего необходимость сочетания «восточной модели и западной науки». В эпоху Мэйдзи это было сформулировано в лозунг «японский дух, западное знание» (*вакон ёсай*) и политику на создание в стране «просвещенной цивилизации» (*буммэй кайкё*). На более позднем этапе, в год принятия конституции в 1899 году, был сформирован специфический парламент, не предусмотренный основным законом страны институт власти – гэнро. Его члены – семь человек – были облечены личным доверием императора и особым статусом в высшей структуре государственной власти. Члены гэнро происходили из двух «революционных княжеств» – Сацума и Тёсю, и уже одно это символизировало их по меньшей мере благожелательное отношение к проведению реформ.

Роберт, старший брат известного ученого и дипломата Э. Рейшауэра, констатировал: «Именно эти люди, стоявшие позади трона, обладали реальной властью в стране... Никто не мог быть назначен на пост премьер-министра, не получив на то рекомендацию гэнро. До 1922 года их одобрение не миновало ни один законопроект и ни одно сколько-нибудь важное международное соглашение, прежде чем на нем появлялась императорская подпись».

Следует отметить, что только после рекомендации гэнро о необходимости силового решения противоречий с Россией императором был принят курс на начало военных действий в 1904 году. Как представляется, ответ на вопрос о роли императора в осуществлении реформ можно найти в тексте конституции Мэйдзи. Японский император при всей обширности его власти (статья 1), святости и неподсудности (статья 3), мог издавать законы только с одобрения парламента (статья 5).

В России власть царя была самодержавной. Все стратегические решения в Петербурге в окончательном виде принимались царем. В Токио при всей сакральности власти императора решения, прежде чем под ними ставилась императорская печать, проходили многоступенчатую процедуру выработки и согласования. Между правительством, которые было главным в выработке решений, и императором существовал неформаль-

ный неконституционный орган в лице «отцов-основателей» – гэнро. Их согласие было непременным или крайне желательным. Лишь в случае раскола между гэнро окончательное слово принадлежало императору. Тем не менее, при существовавшей тогда системе император имел возможность «устраниться от использования «последнего слова». В таких случаях определенная группа из правящей элиты, чаще всего военная, имела возможность навязать свой курс, который получал «молчаливое «благословение» императора. Наиболее яркий пример – агрессия Японии против Китая и вступление в войну с США.

В России по решению царя нередко проводились т. н. «особые совещания», которые обсуждали и давали свои рекомендации, однако всегда последнее слово было за ним. В силу большого влияния субъективности или личных пристрастий существовавшая в принципе и в России система прохождения всех важнейших решений через сито разного рода согласований часто не срабатывала. Порой на мнение царя оказывали влияние не только собственные компоненты власти, но и внешние силы, главным образом европейские монархи.

По мере того, как реформы по западному образцу начинают ускоряться в японском обществе и общественном сознании, появляются опасения в том, что это может привести к полному отрицанию традиционных японских ценностей, утрате национальной идентичности.

К концу 1880-х годов идеологи «просветительства» покинули посты государственных служащих, т. к. в их услугах более не было потребности, поскольку задачи государственного устройства были в основном решены. Дебаты по поводу проблем дальнейшей модернизации страны сконцентрировались в общественной, научной сфере.

Консерваторы и традиционалисты, имея широкую социальную базу, сохраняли и укрепляли свои позиции. Несмотря на реформы и внешний налет «европейства», в японском обществе, особенно среди простого народа, традиционные ценности – подчиненность вышестоящим, общинная солидарность, неприятие идей свободы личности, равноправия мужчин и женщин и т. д., оставались во многом преобладающими. Сначала появляются сторонники «просвещенного национализма», отстаивающие позицию о целесообразности брать «только лучшее с Запада, но сохранить духовные ценности», а затем разворачивается движение в пользу консолидации национальных ценностей как противовес проникновению западных веяний.

Министр просвещения граф Окума отмечал: «Я не думаю, что в будущем нашей стране предстоит окончательно европеизироваться. Мы будем продолжать развивать свою собственную цивилизацию, состоящую из смеси нашей и европейской. По мере того, как европейская цивилизация будет более и более проникать к нам, наша собственная будет развиваться вместе с ней и благодаря ей. В настоящее время эти две цивили-

зации соединяются. Слияние их особенно заметно в нашей литературе и искусстве. По мере роста этого процесса наша литература и наше искусство не будут полностью уничтожаться, они разовьются рядом с усиленным введением иностранной литературы и иностранного искусства»²¹.

В 1890 году вышел императорский рескрипт «Манифест о воспитании» (*Кёйку Тёкуго*) народа, делавший акцент на том, что сила японской нации в следовании традиционной японской модели, в центре которой чувство долга перед императором, государством, семьей, родителями, перед группой людей, с которыми связан профессионально, общим делом. До этого рескрипта уже в 1881 году под жесткий государственный контроль были поставлены школы, затем высшие учебные заведения. Токийский университет, ставший рассадником западничества и либерализма, стал государственным – его преподаватели становились государственными чиновниками и приносили присягу на верность правительству.

Расхождения между японскими консерваторами и либералами выразились в создании соответствующих обществ. Умеренные либералы – националисты объединились в основанное в 1887 г. Сохо Токутоми Общество друзей народа («*Минъюся*»), выпускавшего журнал «Кокумин-то томо» и газету «Кокумин симбун». Общество выступило за ликвидацию сословной, имущественной и половой дискриминации под лозунгом *хэйминсюги*. Члены общества выступали против «европеизации верхушки общества» и за «европеизацию простого народа». Именно они ввели в обиход слово «демократия».

Вторую составляли правые консерваторы – члены учрежденного в 1888г. Сига Сигэтакэ и Миякэ Сэпурэй общества «Сэйкёся» («Общество правильного правления»), выпускавшего журнал «Нихондзин». Главный лозунг деятельности общества был *кокусуйсюги*, подразумевавший приверженность особенностям и традициям Японии. Их взгляды разделяли и сторонники идеи *нихонсюги* («японизм»). В журнале печатались статьи, призывавшие «не подражать без разбору всему европейско-американскому», «беречь свою национальную красу», «сохранять национальную сущность» (*кокусуй ходзон*)²².

В 80-е годы наблюдается подъем национализма, который был связан со стремлением противников реформ, сторонников сохранения японского традиционного общества покончить с радикальной европеизацией японских национальных порядков, ценностей и традиций. С другой стороны, даже часть либералов стала признавать «чрезмерность увлечения Западом» и начала предлагать, не отвергая полностью европей-

²¹ Watson P. Japan Aspects and Destinies. London, 1904. P. 243.

²² Конрад Н. И. Очерки японской культуры. М., 1973. С. 329.

ский опыт, взять из него только лучшее и одновременно обеспечить сохранность японской самобытности.

Молодой интеллектуал Куга Кацунан начал обосновывать важность избирательного подхода к осуществлению реформ. Он подчеркивал, что не следует копировать западную науку, экономику и промышленность просто потому, что они западные, а надлежит применять их только в том случае, если они могут способствовать благосостоянию Японии.

Несмотря на значительные преобразования, совершенные в первые годы эпохи Мэйдзи, среди либерально настроенных интеллектуалов было достаточно широко распространено мнение о важности продолжать преобразования и, прежде всего, принять конституцию. Вместе с тем по мере того, как реформы охватывали все больше сферы жизнедеятельности японского общества, защитники национальных особенностей стали активно выступать против слепого копирования западного опыта, за использование только тех элементов западной цивилизации, которые не смогут нанести ущерба традиционным устоям японского общества.

С середины 80-х годов началась вторая волна национализма, которая стала носить черты даже шовинизма. Широкое распространение получили термины *нихонсюги* («японизм»), *кокуминсюги* («национализм»), *кокусуйсюги* («национальная сущность»), отражавшие идеи отказа от европеизации и акценте на национальной самобытности развития Японии с древнейших времен. На основе этих идей появились и теории превосходства Японии над соседними азиатскими странами, оправдания внешней экспансии.

Не остался в стороне и Фукудзава Юкити. В этот период своей деятельности под воздействием роста националистических настроений он отошел от критики агрессивной политики западных держав, начал призывать «не бояться защищать собственную страну от вмешательства, даже если ей враждебен весь мир» и высказывался за необходимость для Японии принять участие в колониальном разделе мира, в том числе в отношении Китая и Кореи.

Таким образом, и в Японии, подобно России, имел место в определенной степени аналогичный спор между «западниками» и японофилами. Примечательно, что почти в один и тот же период и в России, и в Японии наблюдается «хождение интеллигенции в народ».

В ходе японского Движения за свободу и права человека (*Дзю минкэн ундо*) столичные интеллектуалы, журналисты уезжали в провинцию, читали там лекции, открывали школы, газеты.

В России «народничество» приобрело более широкий характер, чем в Японии. «Народники» в России опирались на теорию, согласно которой историческое развитие России отличается от такового других европейских стран и позволяет непосредственно перейти к социализму, ми-

ную капитализм. Уповав на «прирожденную мудрость и добродетельность народа», они в массовом порядке (несколько тысяч) в начале 70-х годов XIX века пошли в деревню, «в народ», с тем, чтобы пробудить в крестьянстве «революционный инстинкт» и призвать к борьбе за свержение самодержавия. Однако это «хождение» окончилось полной неудачей. Крестьяне не понимали и не воспринимали идеи и призывы народников. Потеряв веру в революционность народа, часть народников встала на путь террора, считая, что с самодержавием должны сражаться «интеллектуаль». Террористическая деятельность, а в ее результате был убит царь Александр II и многие видные деятели царского режима, пользовалась поддержкой студентов, представителей творческих профессий. Были их сторонники в армии, в среде бюрократии.

«Японское народничество» способствовало созданию либеральной партии, члены которой готовили боевые группы и террористические акты против членов правительства. Однако правительство в 1885–1886 гг. разгромило подпольные организации партии, и оппозиционное движение пошло на спад. Таким образом, «хождение в народ» и в России, и в Японии окончилось неудачей.

Отличие России от Японии конца XIX века заключается в том, что значительная часть интеллигенции не только восприняла социалистические идеи, а затем и марксистские, пришедшие из Европы, но и развернула активную деятельность по «внедрению их в жизнь». К 1895 году под руководством В. Ленина и Ю. Мартова марксистские группы объединились в Союз борьбы за освобождение рабочего класса, а в 1898 году была создана Российская социал-демократическая партия, в которой большевики выступали за социалистическую революцию, уничтожение капитализма, за установление диктатуры пролетариата, а меньшевики – за свержение монархии, создание буржуазно-демократической республики.

Социал-демократы выступали против террористических акций, считали индивидуальный террор вредным для достижения политических целей. В конце 90-х годов XIX века народники приняли название «социал-революционеры». В 1905 году создали партию социалистов-революционеров, поставившую целью свержение существующего строя и создание бесклассового социалистического общества. Члены партии верили в действенность террора в сочетании с проведением активной пропаганды своих идей. Была сформирована боевая организация партии, осуществившая в 1902–1907 годах серию политических убийств (более 3 тысяч государственных деятелей, полицейских).

Война 1904–1905 годов и ее неудачный для России ход значительно усилили протестное, оппозиционное движение. Не только левые партии, но и многие органы местного самоуправления, даже дворянские собрания выступили с требованием конституционных реформ. Создавались

многочисленные профессиональные союзы преподавателей университетов, адвокатов, агрономов, врачей, журналистов, писателей и т. д., требовавших созыва Учредительного собрания для принятия конституции. Под давлением этих сил царь Николай II, воспринимавший отказ от самодержавной власти как унижение и измену священному долгу, не принимавший даже мысли о том, что его воля может быть не выше закона, вынужден был на фоне социального взрыва 17 октября 1905 года издать Манифест, по которому декларировалось гарантирование гражданских свобод – неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраний и союзов, расширялись избирательные права на выборах в Государственной думе, открывался путь к формированию конституционной монархии. Впервые начали появляться официально признанные политические партии, в том числе Конституционно-демократическая (партия кадетов) и «Союз 17 октября».

Однако Николай II и придворная аристократия не смирились с этой уступкой либеральным силам и в последующие годы всеми силами сдерживали и решительно подавляли попытки осуществить ограничение власти монарха. В конечном итоге это привело сначала к февральской революции 1917 года, а затем и к октябрьской, имевшей катастрофические последствия для исторического развития России.

В Японии, в отличие от России, легальные политические партии были созданы уже в начале 80-х годов XIX века, сразу же после Указа об учреждении парламента в 1890 году. В 1881 году появилась Конституционная либеральная партия (*Дзюто*), а в 1882 году Конституционная партия реформ и прогресса. Попытки создать социал-демократическую партию успеха не имели, с одной стороны, в связи с запретом властей, а с другой – по причинам мало привлекательности и незначительного знакомства японских либеральных и левых сил с социалистическими и тем более марксистскими идеями.

Александр III придерживался крайне националистических взглядов, твердо отстаивал монархический абсолютизм. В этой связи он выступал решительно против какого-либо народного представительства в системе центральной власти. В 1889–1892 гг. были приняты меры к урезанию прав органов местного самоуправления – земств и земских учреждений.

Репрессивная политика дала свои результаты. В годы правления Александра III в стране в целом сохранялась социальная стабильность, оппозиционное и революционное движения были дезорганизованы и не проявляли активности. Вместе с тем, строгая регламентация общественной и частной инициативы, почти полная власть бюрократии, отсутствие попыток создать гражданское общество, подавление инакомыслия генерировали в глубине российского общества сильные протестные настроения, которые выйдут на поверхность при правлении Николая II в виде разрушительного социального взрыва.

По свидетельству С. Ю. Витте, с первых же годов царствования императора Николая II «начались шатания то в одну, то в другую сторону и проявления различных авантюр. В общем же направление было не в смысле прогресса, а в сторону регресса; не в сторону начал царствования императора Александра II, а в сторону начал царствования императора Александра III... начал, от которых император Александр III сам в последние годы начал постепенно отходить»²³.

В Японии, где протестные общественные настроения носили в целом умеренный характер, и ограниченно-контрольные меры не выглядели столь жесткими, как в России. Вместе с тем в 1875 году были приняты закон о правительственном контроле над печатью, закон об «охране спокойствия» (1887 г.), закон «об охране порядка и спокойствия».

Модернизационные реформы и в России, и в Японии находили отражение во внешней политике. Достигнув немалых впечатляющих результатов в экономических преобразованиях, позволявших создать самые сильные в Восточной Азии вооруженные силы, Япония попала под влияние комплекса превосходства над другими азиатскими странами. Кроме того, появилось стремление не отставать от европейских государств и США в империалистической политике «раздела мира». Япония устремила свой взор на азиатский континент, где осуществила успешную войну с Китаем в 1894–1895 годах, а затем начала шаг за шагом «прибирать к рукам» Корею. До этого Япония лишь однажды в XV веке предприняла, но неудачную попытку завоевать корейский полуостров. Следует отметить, что какой-либо угрозы Японии со стороны Китая или Кореи не существовало.

Русская империя складывалась на основе, с одной стороны, обеспечения своей безопасности и в этой связи постоянного расширения территории, а с другой, Россия старалась компенсировать отставание в экономическом и социальном развитии приобретением новых территорий, прежде всего в Центральной Азии.

Русское государство в XVI веке воевало 43 года, в XVII – 48 лет, в XVIII – 56 лет, а в XIX веке – более 30 лет. Причем на западном направлении войны России были вынужденными и относились, прежде всего, к необходимости отражения внешней угрозы. Известный английский историк А. Тойнби (1889–1975 гг.) констатировал: «Верно, что русские армии воевали на западных землях, однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах. Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада – агрессорами значительно чаще, чем наоборот».

Иная картина складывалась на «южном направлении». Проникновение в Среднюю Азию началось еще в 20-х годах XIX века и предпринималось

²³ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 597.

до 1884 года. К середине века не существовало разграничения между Сибирью и пустынями Средней Азии.

Причины продвижения сформулировал министр иностранных дел А. М. Горчаков в циркуляре, выпущенном 21 ноября 1864 года – «Доктрине об исторической необходимости». Согласно взглядам А. М. Горчакова, соображения безопасности и торговые интересы заставляют любое государство, расположенное в близком соседстве с воинственными племенами, постараться взять эти племена под контроль. «Соединенные Штаты в Америке, Франция в Африке, Голландия в своих колониях, Англия в Индии, – писал он, – все они вынуждены были вступить на путь экспансии», продиктованный скорее необходимостью, нежели амбициями; путь, на котором самое важное – узнать, где остановиться»²⁴.

Экономические причины являлись одной из предпосылок завоеваний России, но не были определяющим фактором. Российская торговля в Средней Азии была незначительной и не оправдывала затраты на военные экспедиции и управление захваченными землями. Министерство финансов было противником политики экспансии. Некоторые торговцы и промышленники испытывали оптимизм по поводу получения выгодных концессий и высокой прибыли, но их ожидания не оправдались.

Популярная марксистская теория, развитая В. И. Лениным, считала экспансию России в Среднюю Азию «неизбежным побочным продуктом развития капитализма, для которого необходим захват колониальных рынков».

Только через два-три десятилетия после наведения порядка в азиатских владениях и постройки железных дорог экономические перспективы стали более радужными. Нередко командующие российскими войсками, пользуясь удаленностью среднеазиатских территорий от столицы, отсутствием коммуникаций и быстрых средств связи, что делало практически невозможным эффективный контроль за их действиями, «раздвигали границы» империи по своему усмотрению.

Вместе с тем нельзя не видеть и цивилизующую роль России в отношении среднеазиатских территорий, большинство жителей которых оставалось на уровне межплеменных отношений. Причем завоеванные территории не становились колониями, как это практиковали европейские государства, а входили в состав империи как ее органическая часть.

Царь, на которого оказывали влияние соперничающие группировки, воздерживался от принятия сдерживающих в отношении своих наместников в Средней Азии действий, хотя подчас аннексия территорий происходила вопреки его приказам. Примечательно, что в 30-х годах XX века японские военные также будут предпринимать военные акции в Китае, не считаясь с позицией официального Токио.

²⁴ *Флоринский М. Т.* Россия. История и интерпретация. Санкт-Петербург, 1913. Т. II. С. 277.

Дальневосточная экспансия России не была столь активной, как среднеазиатская, т. к. требовала больших финансовых и военных усилий. Тем не менее, в 1860 году был основан Владивосток и заключен Пекинский договор, который, подтвердив новую русско-китайскую границу, утвердил российский суверенитет над территориями, уступленными Китаем. Встречное продвижение России на Дальний Восток, прежде всего в территории, контролировавшиеся Китаем, которое активно началось после завершения завоевания Средней Азии в конце XIX века, и Японии в аналогичном направлении неизбежно должно было привести к столкновению интересов, что и произошло, вызвав войну 1904–1905 годов.

При Александре II Россия укрепила позиции на берегах Тихого океана, приобрела территории в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, много сделала для освобождения балканских славян, избавилась от неприятных ограничений Парижского мирного договора. Вместе с тем страна была весьма территориально велика и слабо заселена и, несмотря на серьезное отставание промышленности и культуры, тратила и без того скудные человеческие ресурсы и финансовые средства на завоевания засушливых азиатских пустынь. Расширение государственных границ льстило национальной гордости, но заплачено было слишком высокой ценой – замедлением развития российской политики, общества и экономики. К особенностям России можно отнести и то, что империя располагала огромной, но слабо населенной территорией, с проживанием на ней множества различных народов, в подавляющем большинстве безграмотного, усугублявшимся огромным слабо контролируемым бюрократическим аппаратом.

Сопоставляя ход исторического процесса в России и Японии, начиная с середины XIX века и до начала XX века, можно прийти к следующим выводам. Обе страны встали на путь модернизации своего политического, экономического и общественного устройства, исходя из необходимости обеспечения внешней безопасности и даже независимости, это относится в первую очередь к Японии, а также под воздействием естественного хода внутреннего развития. Хотя стартовые позиции стран были различными, прежде всего потому, что Россия еще во времена Петра I имела опыт массивного заимствования из Европы, и в России, и в Японии многие реформы имели сходный или совпадающий характер. Объединяет реформы в обеих странах значительное влияние на них европейского опыта государственного и общественного управления.

Вместе с тем весьма существенным различием явилось практически полное отсутствие в российских реформах даже незначительных изменений в структуре и компетенции центральной власти во главе с императором. И что особо значимо для дальнейшего исторического развития России – отсутствие шагов по продвижению процесса принятия кон-

ституции, что в конечном итоге оказало серьезную негативную роль на ход и результаты реформ.

Если в Японии возник вопрос: «Япония – Азия или Европа?», то в России дебатировалась проблема: «Россия – Европа или Евразия?» Вместе с тем, как представляется, в Японии четкой идентификации страны как азиатской не было. Господствовало понимание, что «Япония – это Япония». За годы изоляции в Японии сублимировалась особая национальная идентичность, которая успела «переварить» и сделать своим все китайское и корейское. В России вопрос «Россия – Европа или Евразия» был решен при Екатерине II, которая в своих «Наказах» в 1766 году в первом пункте определила: «Россия есть европейская держава». Однако этого оказалось недостаточно, и в середине XIX века острые споры по поводу принадлежности России к европейской или евразийской цивилизации приняли большую остроту и оказали серьезнейшее воздействие на характер преобразований, осуществленных при Александре II.

В обеих странах европеизация ставила общество и элиту перед жестким выбором. Оба народа и их элиты ощущали необходимость в реформах, в модернизации, которая тогда имела единственную коннотацию – подражание Западу. Но оставалась сильной и тяга к «славному прошлому», к духовными ценностям предков, острое нежелание отказываться от них. Возникло противоречие, которое было не просто решить.

Россия прошла в XVIII-XIX веках через два этапа модернизации. Оба были связаны с необходимостью обеспечить прежде всего внешнюю безопасность. Петровские реформы создали условия для успешного отражения внешних угроз и агрессий вплоть до середины XIX века. Однако реформирование российских политических и общественных устоев носило весьма поверхностный характер. Во многом это было связано с тем, что российское общество было не готово и сопротивлялось переменам по европейскому образцу. Реформаторский настрой царя не был подкреплен предварительной просветительской деятельностью интеллектуалов, которых фактически не существовало, а круг соратников Петра I был крайне ограничен.

У царя-реформатора Александра II аналогично его предку Петру I было немного сторонников, которые бы разделяли его взгляды и поддерживали его реформаторский настрой. Среди них были: его брат, великий князь Константин Николаевич, министр внутренних дел М. Г. Лорис-Меликов, товарищ министра внутренних дел Я. И. Ростовцев, военный министр Д. А. Милютин, министр финансов М. Х. Рейтерн.

Реформы дали серьезный толчок экономическому и культурному развитию страны, приблизили Россию к европейской модели общественного развития. Появилась перспектива превращения самодержавия в конституционную монархию. Однако убийство Александра II не позволи-

ло принять уже разработанные умеренные конституционные предложения министра внутренних дел М. Г. Лорис-Меликова. Вместе с тем значительная часть русского общества полагала, что либеральные реформы подрывают государственные устои и ведут к социальным потрясениям. Террористическая деятельность народников – членов организаций «Земля и воля», «Народная воля» способствовали распространению таких взглядов, укреплению консервативных порядков.

После восшествия на престол Александра III его наставник Константин Победоносцев взывал к нему не продолжать путь отца в либеральном направлении, не уступать «так называемому общественному мнению», поскольку это может привести к гибели России и лично царя». Он составил документ, известный как Манифест 1881 года о незыблемости самодержавия, а также разработал концепцию контрреформ, призывая вернуться к традиционным основам национального бытия.

В России сильное сопротивление российских помещиков, дворянства, знати, при пассивности и нерешительности царя, изменениям в политическом устройстве страны привело к тому, что конституция так и не была принята, самодержавная власть не была ограничена, экономические и социальные последствия реформы после 20–30 лет их проведения были незначительными, и в конечном итоге создали условия для революционного взрыва в 1905 году.

Япония, в отличие от России, испытала к концу XIX века лишь один период модернизации. Также, как для России, для Японии жизненно важным была необходимость обезопасить себя от иностранного поражения. Вместе с тем японское общество в большей степени, чем русское, было готово к восприятию реформ по западному образцу. Экономическое развитие страны к середине XIX века, несмотря на ее изоляцию, находилось на более высокой ступени развития, чем российское в конце XVII века.

Существовала и идеологическая поддержка реформ в лице активной просветительской деятельности японских интеллектуалов и ученых. Хотя позиции их наиболее видных представителей нередко расходились относительно радикализации реформ и методов их осуществления, сама необходимость «догнать и перегнать Европу и США», используя их экономические, научные и культурные достижения, под вопросом не ставилась.

Можно сказать, что, несмотря на различное отношение японских руководящих деятелей в первый период эпохи Мэйдзи относительно широты охвата и степени их радикализации, в целом в политической элите сформировался консенсус в пользу осуществления серьезных преобразований. Этот консенсус сыграл важнейшую роль в процессе подготовки и принятия конституции. За три десятилетия эпохи Мэйдзи в Японии был создан конституционный строй, проведена индустриали-

зация и внедрены капиталистические отношения, реорганизована социальная структура страны.

В первые годы эпохи Мэйдзи сформировалось ядро реформаторов, приближенных к трону. Среди них были министры, возглавлявшие различные ведомства, советники из числа придворных, радикально настроенные представители княжеств Сацума и Тёсю, реформаторски настроенные интеллектуалы. Сравнительно небольшая группа людей сконцентрировала в своих руках всю власть в стране и, объединенная в целом единым видением стратегии государственной политики, действовала достаточно эффективно при разработке важнейших реформ, а затем претворения их в жизнь.

И в России, и в Японии остро стояла проблема сохранения национальной идентичности при проведении политики реформирования. Можно найти немало общего в том, как реагировали на реформы различные слои и классы российского и японского общества. Главная проблема, вокруг которой и в российском и в японском общественном мнении происходили бурные дискуссии, обострялись противоречия, которые нередко кончались убийством оппонентов, (в 1889 году был убит министр просвещения Мори Акинори, ранен министр иностранных дел Окума Сигэнобу), состояла в поиске оптимального соотношения между количеством и качеством заимствуемых западных ценностей с традициями и традиционными устоями. В результате принципиальной и порой ожесточенной идеологической борьбы содержание некоторых реформ выхолащивалось, какие-то и вовсе не доходили до стадии реализации.

И в Японии, и в России, особенно в петровские времена, для освоения западной культуры и технологии приглашались иностранные эксперты инженеры, военные. В Японию было приглашено около 4 тысяч иностранных специалистов. Однако в связи с опасением попасть в зависимость от их присутствия, японское правительство стремилось избавиться от них, как только японцы научились разбираться в административных, технических и научных вопросах. К концу XX века от иностранных специалистов практически полностью избавились. В России же многие иностранные специалисты оставались на постоянное жительство и продолжали занимать важные посты в правительственных и научных органах, в деловой сфере.

Примечательно, что в широких народных кругах России и Японии реакция на нововведения была порой на редкость аналогичной. Так же, как в петровские времена в России, японские мужчины и женщины с трудом отказывались от традиционной одежды и переходили на одежду и обувь европейского стиля. Немало негативных эмоций и даже протестов было связано с изменением мужской прически. Длинные волосы, закрученные на макушке (*тёммагэ*), надлежало заменить короткой

стрижкой. Только после того, как в 1877 году император остриг волосы, три четверти мужского населения Токио последовали его примеру. Если Петр I заставлял мужчин брить бороды, то в Японии, напротив, поощрялось отращивание усов и бороды по западному образцу.

Процесс модернизации и в России, и в Японии вызывал противодействие, причем в России более решительное, чем в Японии. В Японии противодействие реформам на начальном этапе проявилось в восстаниях самурайства в конце 1870-х годов.

Контрреформы в России и Японии были введены в действие в интересах укрепления существующей власти, для поддержания спокойствия и ужесточения контроля за деятельностью оппозиционных сил. В России эти меры носили намного более жесткий характер, чем в Японии, что объясняется необходимостью реакции на террор, развязанный радикальным крылом народников, в результате которого в 1881 году был убит царь Александр II.

Следует отметить, что с середины XIX века серьезное влияние на российскую интеллигенцию начинают оказывать идеи европейского утопического социализма, среди интересующимися которыми и последователей которых было немало видных писателей, философов, литературных деятелей. В том числе Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев. В 80–90-годы XIX века в России начинается распространение идей К. Маркса и Ф. Энгельса.

Идеи свободы и равенства приносились в Японию из Европы с середины XIX века, однако не находили понимания и не закреплялись в повседневном сознании нарождавшейся интеллигенции.

И в российском, и в японском обществе в возникшей в результате реформ «новой среде обитания» начали распространяться настроения одиночества, отчуждения, дисгармонии, душевного разлада. Это нашло отражение в литературных произведениях русских и японских писателей. Именно с этим связана столь большая популярность в Японии русских авторов – Л. Толстого, И. Гончарова, И. Тургенева, Ф. Достоевского, А. Чехова, которые в своих произведениях представляли широкую, реалистичную палитру российского общества, показывали нелегкие судьбы людей, вынужденных приспосабливаться к новым условиям жизни в связи с реформированием экономических и социальных устоев. Японской интеллигенции был близок их тезис о том, что человека следует рассматривать как существо противоречивое и трагическое, неблагополучное, не только страдающее, но и любящее страдание. Страдание же искупает зло.

Крайне болезненно переживала социальную ломку японская интеллигенция, появившаяся после Реставрации Мэйдзи. Не оправдались ее надежды на то, что стремительное развитие капитализма принесет и благотворные социальные изменения. Об этих потерянных или поте-

рявшихся в бурях преобразований интеллигентах три романа Нацумэ Сосэки (1867–1916 гг.) – «Сансиро» (1908), «Затем» (1909) и «Врата» (1910), которые отражают их растерянность, неспособность объяснить перемены ни для себя, ни для страны, непонимание, ради чего следует жить и работать, и отсюда неспособность к позитивным действиям. Не случайно творчество Нацумэ Сосэки столь близко по духу к философско-либеральной позиции А. Чехова.

Критика великим русским писателем Львом Толстым нравов буржуазного общества привлекла большое внимание представителей либеральных кругов японской общественности как созвучная тем оценкам, которые они давали процессам, происходившим в Японии. Взгляды философа Л. Толстого, изложенные в его публицистических и литературных произведениях, оказали значительное воздействие на японскую интеллигенцию и литераторов. Одним из них стал Токутоми Рока.

В России преобразования в силу их половинчатости вызывали недовольство общественного мнения, а ограничения политической деятельности и репрессии способствовали радикализмам протестных настроений, появлению впервые в стране организованного революционного движения, которое после подавления восстания 1905 года хотя и пошло на убыль, но только временно.

В Японии, несмотря на создание режима конституционной монархии, были созданы условия для проведения военными кругами самостоятельной политики, которая подпитывалась и направлялась националистическими кругами и сформировавшимися концернами – дзайбацу, требовавшими подконтрольных источников сырья и новых рынков сбыта. В конечном итоге, созданный механизм управления оказался не в состоянии предотвратить эволюцию этой политики в направлении принятия страной милитаристски-агрессивного курса.